

По следам Андре-Жоржа Одрикура (1911–1996), французского этноботаника, географа, агронома и лингвиста

Е.С. ХАБЛОВА

Санкт-Петербургский филиал института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова, Санкт-Петербург, Россия; samomamo@yandex.ru

Данная статья рассматривает жизненный путь, научное становление и научное творчество Андре-Жоржа Одрикура. Андре-Жорж Одрикур (17 января 1911, Париж — 20 августа 1996, Париж) — французский ученый, оставивший большое научное наследие в целом ряде дисциплин. Особенностью его трудов стал мультидисциплинарный подход, выразившийся в совмещении гуманитарных, социальных и естественных наук. Активно увлекаясь ботаникой и лингвистикой, Андре-Жорж Одрикур совершил целый ряд поездок, путешествий и экспедиций, а также проживал во Вьетнаме и на островах Новой Каледонии. В данной статье была отмечена роль Андре-Жоржа Одрикура для развития науки Франции, а именно этноботаники, истории техники и сельского хозяйства, лингвистики. Также был рассмотрен и жизненный путь ученого, особенно ход его экспедиций, образовательной и трудовой деятельности. В завершение статьи были сделаны выводы о том, как была сформирована научная идентичность Андре-Жоржа Одрикура. Эпоха, в которую обучался и работал Андре-Жорж Одрикур, во Франции характеризовалась доминированием устаревших взглядов, нежеланием принимать новые подходы к исследованию, медленным реформированием системы образования. В таких условиях Андре-Жоржу Одрикуру с его порой неординарными взглядами было сложно быстро реализовать в научной карьере. Тем не менее вполне возможно, что это крайне неоднозначное для науки Франции время (Interbellum и Вторая мировая война, последующее образование Четвертой республики) и создало личность А.-Ж. Одрикура как ученого, ведь именно в этот период появился целый ряд современных дисциплин и подходов к изучению сложных феноменов. Таким образом, делается вывод, что научное творчество и жизненный путь Одрикура были закономерным плодом эпохи.

Ключевые слова: Андре-Жорж Одрикур, этноботаника, история французской науки, экспедиции французских ученых в СССР, исследователи истории сельского хозяйства, методы лингвистики в естественных науках, фонетизм, фонология, «Человек и культурные растения».

Андре-Жорж Одрикур (17 января 1911, Париж — 20 августа 1996, Париж) — французский ученый, оставивший большое научное наследие в целом ряде дисциплин. Особенностью его трудов стал мультидисциплинарный подход, выражающийся в совмещении гуманитарных, социальных и естественных наук: «Его учение находится на стыке истории науки и техники, лингвистики и этнографии, так, что его вклад в развитие этих областей признан до сих пор» (Gouarné, 2013, p. 162). Этот комплексный подход повлиял на появление во Франции важной и актуальной научной дисциплины: этноботаники как науки, изучающей взаимодействие людей и растений. Однако свойственный ученому подход, который не позволял ему «остановиться» на одной конкретной области, привел к тому, что ему было сложно найти свое место в науке Франции, которая характеризовалась консервативными подходами и укладами. Широта взглядов и методов исследования ярко выделяла Андре-Жоржа Одрикура среди своих коллег. Таким образом, признание ученого и его научных идей наступило не сразу. Активно увлекаясь ботаникой и лингвистикой, Андре-Жорж Одрикур совершил целый ряд поездок, путешествий и экспедиций, а также проживал во Вьетнаме и на островах Новой Каледонии. «Пройти по следам Андре-Жоржа Одрикура» значит понять путь становления ученого, рассмотреть ход его экспедиций, а также изучить методы его исследования и определить место и роль самого исследователя в науке.

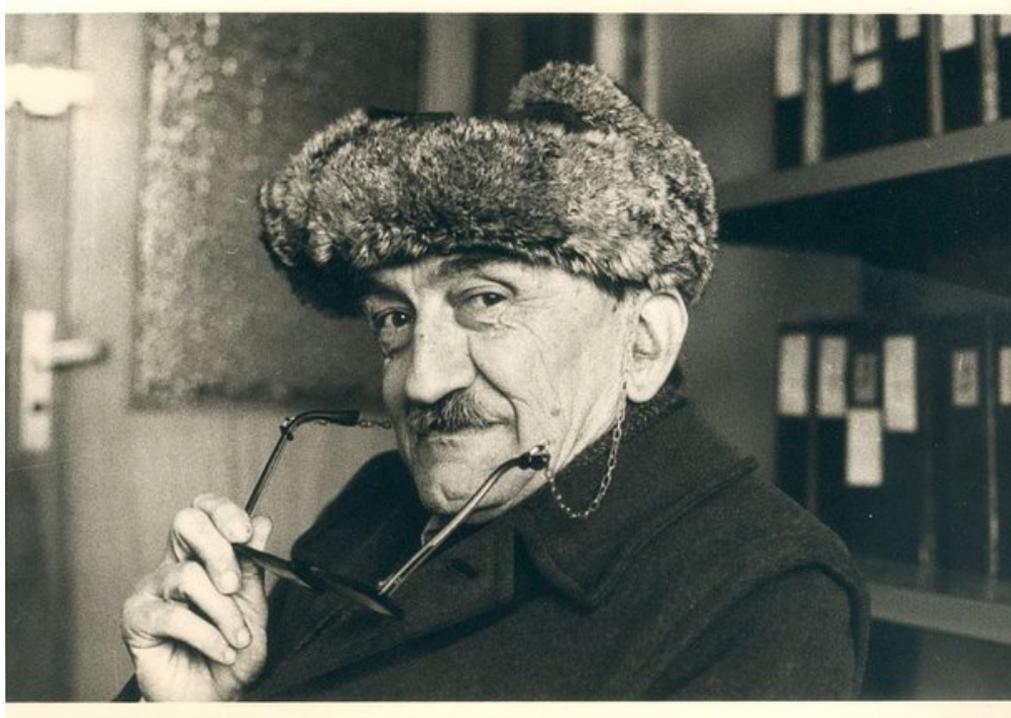

Рис. 1. Андре-Жорж Одрикур
Fig. 1. André-Georges Haudricourt

От лингвистики к ботанике и обратно: сфера интересов Андре-Жоржа Одрикура

Андре-Жорж Одрикур был учеником Марселя Мосса (Marcel Mauss)¹ и современником таких известных французских исследователей, как Клод Леви-Стросс (Claude Lévi-Strauss)², Жорж Кондоминас (Georges Condominas)³ и Андре Леруа-Гуран (André Leroi-Gourhan)⁴. Обучение и становление Андре-Жоржа Одрикура происходило нелинейно, поскольку, как выражается сам Одрикур:

Я думал, что я не имею права заниматься лишь тем, что доставляло бы мне удовольствие, даже если бы это означало, что я могу неплохо зарабатывать на этом; это казалось мне несправедливым по отношению к тем, кто с трудом зарабатывает на жизнь; я должен был взяться за работу, неоспоримо полезную для общества (у меня не было четкого представления моей карьеры) (Haudricourt, 1987a, p. 19).

Эти мысли посещали Андре-Жоржа Одрикура во время обучения в Агрономическом институте, куда он поступил в 1929 г. в возрасте 18 лет. В этом юном возрасте Одрикур уже чувствовал, что его взгляды на изучение агрономии резко отличаются от тех, что были «в моде», тем не менее Андре-Жорж Одрикур берет дополнительный учебный год (1931–1932) в Агрономическом институте с целью изучения фитопатологии и генетики. В это же время он посещает курс Поль-Жюль-Антуан Мейе (Paul Jules Antoine Meillet)⁵ в Коллеж-де-Франс, посвященный славянским языкам, а также учит эсперанто и увлекается антропологией, посещая занятия в Школе антропологии (Ecole d'Anthropologie) Жоржа-Алексиса Монтандона (Georges-Alexis Montandon)⁶ по сибирским народам и занятия по психиатрии Гийома Поль-Бонкура (Guillaume Paul-Voncour)⁷.

Одрикур был восхищен генетикой. Он пишет, что ту революцию, которую совершила генетика в биологических науках, можно сравнить с той, которую Лавуазье совершил в химии. Тем не менее он указывает на то, что французские профессора, даже те, что преподавали генетику, не до конца «верили» ей. Он описывает это так:

Появившаяся в 1865 году благодаря экспериментам немецкоговорящего чешского монаха Грегора Менделя (1822–1884), [генетика] была принята европейскими университетами только к 1900 году. Что же касается Франции, пришлось ждать еще 20–30 лет для того, чтобы она была признана наукой. Она была настолько малоизвестной, что для того, чтобы читать курс в Агрономическом институте, необходимо было принять профессором бывшего выпуск-

¹ Мосс Марсель (1872–1950) — французский этнолог, антрополог и социолог.

² Леви-Стросс Клод (1908–2009) — француско-бельгийский культуролог, философ, этнолог и этнограф.

³ Кондоминас Жорж (1921–2011) — французский антрополог и этнолог.

⁴ Леруа-Гуран Андре (1911–1986) — французский антрополог, археолог, палеоантрополог и палеонтолог.

⁵ Мейе Поль-Жюль-Антуан (1866–1936) — французский лингвист.

⁶ Монтандон Жорж-Алексис (1879–1944) — француско-швейцарский антрополог, врач.

⁷ Поль-Бонкур Гийом (годы жизни неизвестны) — французский психиатр, преподаватель.

ника Школы в Гриньоне, который сам не был очень убежден в том, что он рассказывал. Он говорил: «Ах да, хромосомы, это всего лишь абстракция» (Haudricourt, 1987a, p. 21).

Однако именно в Агрономическом институте Андре-Жорж Одрикур впервые услышал выступление Николая Ивановича Вавилова, вероятно, 10 февраля 1933 г., когда Вавилов читал лекцию в Агрономическом институте, посвященную своему учению о центрах происхождения культурных растений. Одрикур был настолько увлечен услышанным, что спросил Н.И. Вавилова напрямую, возможно ли попасть в Советский Союз для изучения разработок советских ученых в области ботаники, растениеводства, генетики и селекции. Помимо прочего, ему было интересно выучить русский язык, который ему казался экзотичным.

Марсель Мосс: друг, учитель, выдающийся исследователь

Однако перед тем как ближе познакомиться с Николаем Ивановичем Вавиловым, с его трудами и с организацией науки в СССР, Андре-Жорж Одрикур встречает Марселя Мосса, которого он впоследствии будет считать учителем и другом. Марсель Мосс для Франции известен в первую очередь как «отец антропологии». По словам Одрикура, это был экстраординарный человек, профессор, который внушал доверие к своим словам. Одним из интересных фактов о Марселе Моссе является то, что его дядей и научным руководителем докторской диссертации был Эмиль Дюркгейм⁸. Марсель Мосс был заинтересован в изучении архаичных обществ и их обрядов, позже в исследовании техники и технологии. Одрикура и Мосса связывало множество интересов, но также и общее стремление к описанию исследуемого феномена комплексно, используя различные области как гуманитарного, так и естественно-научного знания. Одрикур же отзывался о Моссе как о профессоре, который стремился создать атмосферу полемики в аудитории, задавая сложные вопросы. Между Одрикуром и Моссом установилась регулярная переписка, которая важна как для понимания вех жизни Одрикура, так и для изучения эволюции взглядов ученого и его научных интересов. Особенно интересной является переписка Мосса и Одрикура во время экспедиции последнего в Советский Союз. Верен тот факт, что Одрикур долгое время хотел попасть в СССР, однако получить нужное финансирование, визы и маршруты он смог благодаря помощи Николая Ивановича Вавилова, Марселя Мосса, а также Виталья Дюкоме (Vital Ducomet)⁹ (Haudricourt, 1987a).

Во время режима Виши Марсель Мосс не был депортирован как еврей, но тем не менее носил желтую звезду. Сложившаяся ситуация тяжело отразилась на его здоровье, и ментальном, и физическом. Он завещал, как настоящий последователь структурализма, изучать его работы в контексте эпохи, в которой они были написаны. Одрикур считает, что труд Мосса должен быть высоко оценен его современниками, так как он дал огромный импульс научно-исследовательской деятельности во Франции (Haudricourt, 1987a, p. 33).

⁸ Дюркгейм Эмиль (1858–1917) — французский философ и социолог, один из основоположников социологии как научной дисциплины.

⁹ Дюкоме Виталь (1874 — дата смерти неизвестна) — профессор Национального агрономического института.

Андре-Жорж Одрикур и СССР

Как уже было сказано выше, Андре-Жорж Одрикур был заинтересован в поездке в СССР в связи с несколькими аспектами: изучить язык, познакомиться ближе с достижениями советской науки в области генетики, ботаники, а также в целом со «школой Вавилова». Однако интерес Одрикура был и культурным, даже этнологическим, поскольку для него русские в основном представлялись как нация «белых дикарей» (Haudricourt, 1987a, p. 22). Конечно, позже Одрикур изменит свое мнение, ближе познакомившись с русской культурой, укладом жизни в Советском Союзе. Стоит констатировать, что предрассудки, сложившиеся у Одрикура, являются плодом европейского воображения о России и Советском Союзе, взглядами, которые были широко распространены даже в университетской среде. Скорее Андре-Жорж Одрикур хотел удостовериться, соответствуют ли эти положения реальности. Для осуществления поездки Андре-Жорж Одрикур при помощи Марселя Мосса получает финансирование в 12 000 франков. Связавшись с Николаем Ивановичем Вавиловым через Огюста Шевалье¹⁰, а также получив рекомендательное письмо от Виталия Дюкоме, Андре-Жорж Одрикур получает визу. Вавилов же писал в своем письме от 16 сентября 1934 г. Генеральному консулу СССР в Париже:

Настоящим ходатайствую о выдаче визы на въезд в СССР молодому французскому ученому ботанику-агроному Андре Одрикуру. У меня находится рекомендательное письмо его учителя — крупного агронома профессора Дюкоме. А. Одрикур хочет поработать у нас в Институте растениеводства, а также познакомиться с научными ботаническими и агрономическими учреждениями СССР. Со своей стороны мы окажем ему полное содействие как в Институте растениеводства, так и на наших опытных станциях (Вавилов, 2001, с. 38).

В конце 1934 г. Андре-Жорж Одрикур уже прибывает в СССР. Первой остановкой на его пути оказывается Ленинград, в котором он находится несколько месяцев, в течение которых преимущественно посещает Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства, где проводит большое количество времени в библиотеке, работает в лаборатории. Андре-Жоржу Одрикуру, как носителю французского языка, поручают делать небольшие переводы иностранной литературы, а также резюме статей и книг. Помимо этой работы, он интересуется различными словарями, например русско-японским, который натолкнул его на изучение проблем происхождения и дальнейшей истории иероглифических систем письма народов Дальнего Востока (Haudricourt, 1987a, p. 35). В целом Андре-Жорж Одрикур пытался постичь все, что он встречал на своем пути: например, идеи Николая Ивановича Вавилова о центрах происхождения культурных растений и закон гомологических рядов в наследственной изменчивости; генетические наработки советских ученых; русский и другие иностранные для него языки; быт и уклад жизни в Советском Союзе, а также культуру и общественные настроения в СССР. Все это удивляло молодого французского ученого, поскольку обстановка вокруг казалась ему отличной от привычной европейской.

¹⁰ Шевалье Огюст-Жан-Батист (1873–1956) — французский ботаник, главный редактор журнала *Journal d'agriculture coloniale*, профессор в Музее естественной истории (Париж), исследователь флоры тропической Африки, друг и коллега Николая Ивановича Вавилова, а также наставник Андре-Жоржа Одрикура.

Интересными в контексте изучения восприятия А.-Ж. Одрикура являются его описания и воспоминания, которые он сохранил в своей переписке с Марселем Моссом или же в своих мемуарах. Так он описывает Н.И. Вавилова:

<...> физически это был коренастый мужчина, скорее прямолинейный и откровенный, очень русский по своей манере жить: например, назначая встречи между полночью и часом ночи; он был также настоящим первооткрывателем в исследовании культурных растений. <...> Для Вавилова марксизм не имел ничего общего с его исследованиями; это был эмпирик, который плохо представлял, как возможно, по его словам, хотеть выращивать бананы на Шпицбергене (Haudricourt, 1987a, p. 36).

Для Одрикура русский ученый был необычен: действительно, назначать встречи в полночь почти на бегу, в отличие от тех *rendez-vous* с французскими профессорами, которые обычно проходили в кафе, было непривычно. Более того, для большинства французов был необычен и сам факт незаинтересованности в идеологии марксизма, особенно в Советском Союзе, ведь во Франции тема марксизма была очень популярна среди интеллектуалов. Несмотря на то, что в письмах Одрикура к Моссу можно найти множество интересных замечаний относительно повседневной и культурной жизни в Советском Союзе, тем не менее большую часть писем занимают впечатления о научной жизни в стране, идеи и рассуждения Одрикура, выводы, которые он сделал в ходе работы. Так, Одрикур активно исследовал научно-исследовательские институты (например, Институт генетики в Москве), музеи, после чего он делает выводы о том, что Франция нуждается в модернизации генетики и в разработке идей Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений:

Я планирую вернуться во Францию к 15 сентября. На этот момент у меня уже будут основные результаты, методы генетики и проблем культурных растений. Я считаю, что у меня есть 2 основные задачи. 1. Проводить активную пропаганду развития преподавания генетики во Франции. <...> 2. Создать синтез результатов исследований происхождения культурных растений (Haudricourt, 2011, p. 10).

В данной цитате были опущены многочисленные рассуждения Одрикура о состоянии науки во Франции. Во-первых, Андре-Жорж Одрикур во многом обвиняет ученых в том, что состояние французской генетики значительно отстает от других европейских стран, в частности он упоминает г. Рабо (Mr. Rabaud)¹¹, который в целом не признает существование хромосом, а также г. Бларингема (Mr. Blaringhem)¹², «чье имя никогда не произносили за границей без сдержанной улыбки»¹³ (Haudricourt, 2011, p. 10).

¹¹ Рабо Этьен (1868–1956) — французский зоолог, тератолог.

¹² Бларингем Луи (1878–1958) — французский ботаник.

¹³ Несмотря на многие заслуги Луи Бларингема перед французской наукой, изначально он отвергал генетику (позже он пересмотрел свои взгляды). Остался известен как приверженец неоламаркизма.

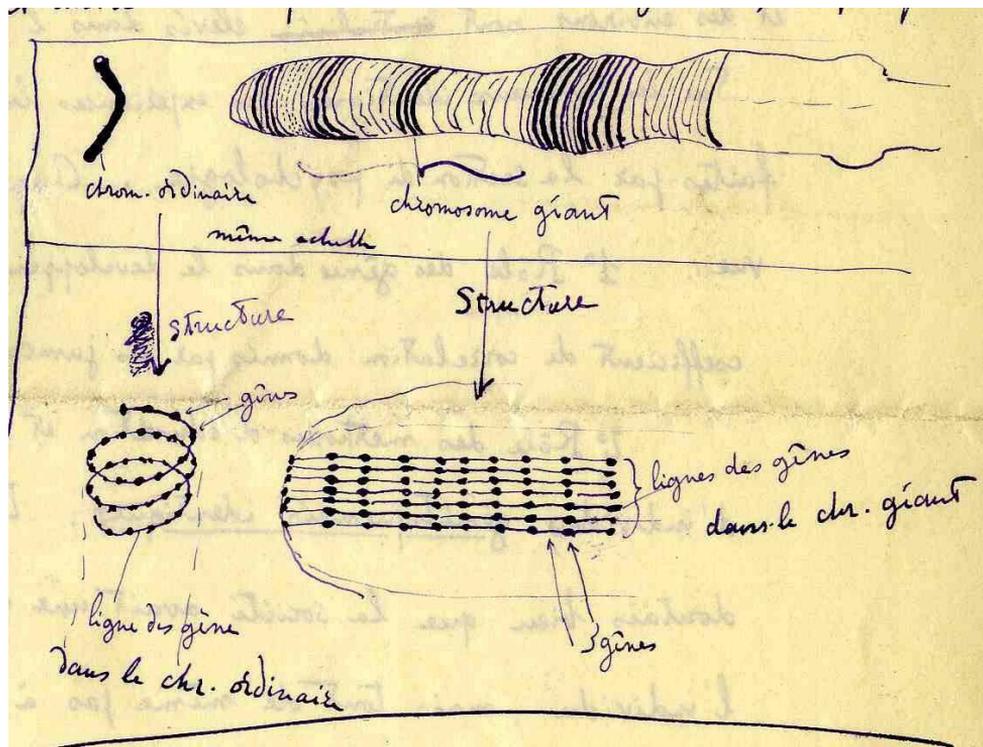

Рис. 2. Рисунок Андре-Жоржа Одрикура из письма к Марселю Моссу, изображающий хромосому

Fig. 2. Drawing of a chromosome from André-Georges Haudricourt's letter to Marcel Mauss

Следует добавить, что во время своей поездки в СССР Одрикур разрабатывал также идеи, которые лягут в основу его будущей книги «*L'homme et la charrue à travers le monde*» («Человек и плуг идут вокруг света») (Haudricourt, 1955b). Интерес к этой теме возник у Одрикура еще в период обучения в Институте агрономии, когда он выполнял летнюю практику в деревне, наблюдая за тем, как фермеры работают на полях: как они загружают тачку, как переносят различный груз, как обрабатывают поле. Это необычный для того времени подход к истории сельского хозяйства, который во многом основан на наблюдениях, на этнологии, лингвистике, истории, технике. Андре-Жорж Одрикур пытался постичь историю сельского хозяйства с помощью междисциплинарного подхода, который задолго опередил свое время. Эта книга была издана только в 1955 г., таким образом, работа над ней заняла около 20 лет (Haudricourt, 1987a).

Проследить маршрут Андре-Жоржа Одрикура по СССР возможно по его переписке с Марселем Моссом. Так, в начале 1935 г. Одрикур посещает станции Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, затем, в начале мая, он отправляется в Рыбинск, Ярославль и Иваново. Позже, 16 мая, он путешествует речным транспортом в Казань. По Волге он спускается в Саратов и посещает затем Куйбышев (ныне Самара). Далее на поезде он попадает в Казахстан

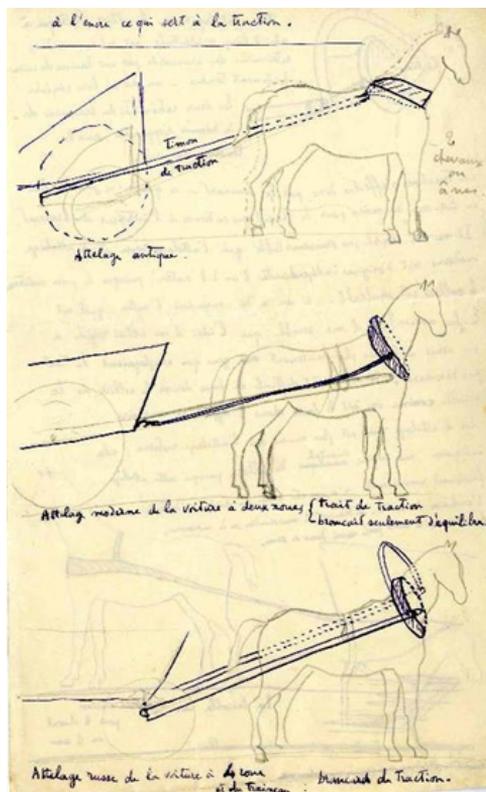

Рис. 3. Рисунок из письма Андре-Жоржа Одрикура к Марселю Моссу, изображающий методы упряжи лошади

Fig. 3. Drawing of horse harnessing options from André-Georges Haudricourt's letter from to Marcel Mauss

(Бузулук, село Шалкар), Узбекистан (Ташкент и Бухара), Туркменистан (Чарджуи, ныне Туркменабад, затем на лошади он отправляется в Каракум, после в Ашхабад и в Нису), Азербайджан (Баку и Кировабад), Грузию (Тифлис), Армению (Ереван), Абхазию (Сухум), Адыгею (Майкоп). После этого долгого путешествия он возвращается в Ленинград через Ростов, Воронеж, Рязань и Москву. Во время своей поездки в СССР Андре-Жорж Одрикур общался со множеством советских ученых-ботаников, включая Николая Ивановича Вавилова, Сергея Михайловича Букасова и Павла Александровича Баранова, а также с лингвистом Иваном Ивановичем Мещаниновым (Gouagné, 2013, p. 165).

Вернувшись в Ленинград, 10 августа 1935 г. Одрикур пишет последнее свое письмо из СССР Марселю Моссу, в котором он снова делится своими впечатлениями о поездке и идеями, возникшими в путешествиях. Он рассуждает о растениях, возделываемых в Абхазии, о состоянии ботаники и археологии в Грузии и Армении, о своем «новом латинском алфавите», состоящем из 60 букв. В конце он пишет: «<...> Сейчас я понимаю. Итак, моя задача более или менее выполнена. Теперь мне остается только отправиться в Лапландию и упаковать свои книги» (Haudricourt, 2011, p. 18). Далее молодому французскому ученому предстоял путь домой.

Рис. 4. Карта передвижения Андре-Жоржа Одрикура по территории СССР. Источник: Архив Музея натуральной истории (Muséum National d'Histoire Naturelle (Paris)), передано CRBA — Centre de Ressources de Botanique Appliquée (Lyon)

Fig. 4. Map of André-Georges Haudricourt's voyage in the USSR. Source : Archives of the Muséum National d'Histoire Naturelle (Paris), provided by CRBA — Centre de Ressources de Botanique Appliquée (Lyon)

Новая дисциплина: этноботаника. «Человек и культурные растения»

Как и предполагал А.-Ж. Одрикур, он вернулся во Францию в сентябре 1935 г. Он пытался найти работу, параллельно трудился над статьей о современных способах упряжи лошадей, которую затем опубликует Марк Блок (Marc Bloch)¹⁴, на тот момент профессор истории в Сорбонне, в своем журнале в ноябре 1936 г., дополнив эту статью хвалебным предисловием (Haudricourt, 1987a, p. 54). Огюст Шевалье

¹⁴ Блок Марк Леопольд Бенжамин (1886–1944) — французский историк.

предложил Одрикуру прочитать лекцию в Музее естественной истории о работах Николая Ивановича Вавилова, однако, по словам самого Одрикура, его слушатели интересовались скорее историями о самой России, чем о науке. Для него возвращение во Францию было тяжелым, к тому же он серьезно заболел и вынужден был проходить длительное лечение недалеко от Гренобля. Его весьма выручала переписка с его новым другом, Шарлем Парэном (Charles Parain)¹⁵, в которой они обсуждали множество научных проблем, в том числе и те, которые лягут затем в основы его двух будущих книг: человек и плуг, человек и культурные растения; тем не менее это далеко не все интересующие Одрикура и Парэна темы. Лечение же затянулось, так, 28 мая 1937 г. Одрикур пишет Парэну: «Лечение хуже, чем сама болезнь, я только что перенес достаточно ужасный период, когда у меня не хватало сил, даже чтобы написать письмо» (Haudricourt, 1987a, p. 69). Перенеся целый ряд тяжелых операций на органы грудной клетки, Андре-Жорж Одрикур покинул санаторий только в январе 1938 г. все еще безработным, но с большими исследовательскими амбициями.

Когда началась Вторая мировая война, огромное количество ученых ушли на фронт. Андре-Жорж Одрикур, который так и не смог окончательно справиться со своей болезнью, остался в Париже. Лаборатория Огюста Шевалье в Музее естественной истории пришла в упадок и значительно опустела, поэтому Огюст Шевалье пригласил Андре-Жоржа Одрикура работать в его лаборатории. В действительности почти вся трудовая деятельность Одрикура сводилась к работе над журналом *JATVA* («*Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée*»), для которого он переводил и резюмировал статьи, написанные на русском и английском языках (Haudricourt, 1987a, p. 72). Так, из работ советских исследователей Андре-Жоржем Одрикуром была опубликована статья, посвященная трудам Н.Г. Холодного, академика наук УССР, который работал в области почвоведения, микробиологии, физиологии растений и растениеводства «*Les hormones de la floraison*» («Гормоны цветения»). Также в 1940 г. была издана статья по трудам С.М. Букасова, советского ботаника и селекционера — «*Les Bases de la Selection de la Pomme de Terre*» («Основы селекции картофеля») (Bukasov, 1940ab). Позже, уже в 1950-е гг. были опубликованы следующие материалы: «*Travaux récents sur les Plantes cultivées en U.R.S.S.*» («Последние работы о культурных растениях в СССР») в 1956 г. (Haudricourt, 1956); «*Un ouvrage russe sur l'origine des Plantes Cultivées*» (Haudricourt, 1955a) («Русская монография о происхождении культурных растений»), статья 1955 г., посвященная книге П.М. Жуковского «Культурные растения и их сородичи», а также «*Edition des œuvres posthumes de N.I. Vavilov*» («Издание посмертных работ Н.И. Вавилова») 1957 г. (Haudricourt, 1957).

С этим журналом сотрудничал агроном Луи Эден (Louis Hédin)¹⁶, который впоследствии станет соавтором важной книги для истории этноботаники во Франции, «Человек и культурные растения» («*L'homme et les plantes cultivées*») 1943 г. В ее введении указано, как распределялись задачи в работе над книгой:

¹⁵ Парэн Шарль (1893–1984) — французский этнолог, историк и специалист в области грамматики. Стоит отметить, что сами работы Парэна интересны своим многообразием: Шарль Парэн писал как о жизни выдающихся деятелей прошлого, так и об актуальных проблемах — например, о зерновых культурах СССР.

¹⁶ Эден Луи (1904–1982) — французский инженер-агроном, ботаник.

Основные материалы для настоящей работы были собраны Андре-Ж. Одрикурром, который был направлен на изучение данных вопросов <...> в Институт прикладной ботаники Ленинграда, в лабораторию Н.И. Вавилова. <...> Редактирование книги принадлежит Луи Эдену, который под руководством Огюста Шевалье выполнял различные ботанические миссии в тропической Африке (Haudricourt, 1943, p. 13–14).

Целью «Человека и культурных растений» явилось исследование «тесных и взаимных» отношений между человеком и культурными растениями. Авторы указывают, что с момента возникновения сельского хозяйства (учитывая, что условия возникновения сельского хозяйства изучены недостаточно) человек и возделываемые им растения находятся в постоянном взаимодействии, которое прослеживается и до наших дней. Именно поэтому одним из центральных вопросов книги является проблема происхождения культурных растений, которая рассматривается, опираясь на труды Николая Ивановича Вавилова, с применением методов современной генетики. Следует отметить, что в тексте Одрикура и Эдена имя Николая Ивановича Вавилова, его идеи и достижения встречаются неоднократно. Так, например, приводится карта с обозначением плотности местного происхождения культурных растений, составленная в соответствии с идеями Вавилова (однако модифицированная в районе Африки). Далее Одрикур пользуется классификацией Н.И. Вавилова и делит культурные растения на первичные (основные растения древнего сельского хозяйства: пшеница, ячмень, кукуруза, соя, лен, хлопок) и вторичные культуры (возникшие из сорняков и растений, портивших первичные культуры) (Haudricourt, 1943, p. 87).

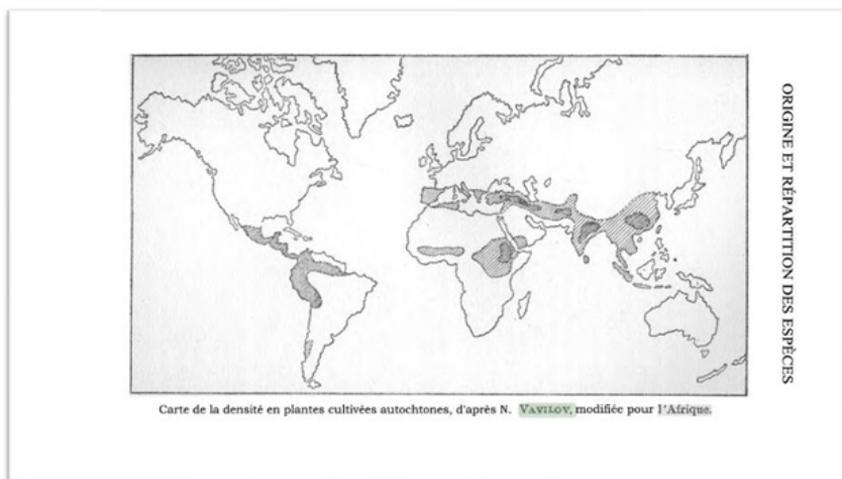

Рис. 5. Карта плотности автохтонных культурных растений, составленная в соответствии с идеями Вавилова (модифицирована в районе Африки)

Fig. 5. Map of indigenous cultivated plant density, based on Vavilov's ideas (modified in the African area)

Одним из ключевых методов исследования в «Человеке и культурных растениях» стал сравнительный метод. Авторы указывают, что был изучен целый ряд явле-

ний, но, взятые по отдельности, они не приносят новой информации. Конкретно этот метод выразился в сравнении ряда возделываемых культур с рядом видов растений, которые подверглись естественному отбору:

Мы сравним ряд плодов Северной Америки, которые имеют крошечные размеры, с плодами азиатских лесов сопоставимого климата; мы также сравним пищевые ресурсы Средиземноморского региона с теми, которых почти нет в Капской области <...> В свете объяснений, которые следуют из рассмотрения этих рядов, можно понять пути решения, которые представляет каждый случай в отдельности. Многие биологические факты казались конкретными и непрерывными, поскольку они определяются множеством элементарных причин, прежде чем нам удалось подняться до рассмотрения статистических совокупностей. «Это случайность», — возможно сказать и так. Сочетание большого количества единичных фактов позволяет исключить подобные объяснения (Haudricourt, 1943, p. 13).

Всего в книге шесть глав. Первая отображает происхождение и распространение разнообразия растений; вторая посвящена происхождению и распространению видов растений; третья — проблеме происхождения культурных растений и сельского хозяйства; четвертая же рассматривает те культурные растения, которые возделывались «белой расой» в доколумбовскую эпоху; пятая глава изучает экзотические культурные растения стран Африки, Индо-Океании, Дальнего Востока, Америки; наконец, последняя глава связана с проблемой человека и культурных растений в современную эпоху, куда входят: кормовые растения, культуры «роскоши» (например, специи и пряности) и промышленные культуры (например, используемые для производства целлюлозы), распространение в мире сельского хозяйства «белой расы» и проблема расширения ареала культурных растений от эмпирического этапа до научного исследования новых культур (Haudricourt, 1943).

Примечательно, что для своего относительно небольшого объема (около 230 страниц), книга рассматривает целый ряд сложных и многогранных вопросов. Во-первых, это не лишенный оригинальных авторских решений синтез идей Декандоля, Вавилова и других выдающихся исследователей, во-вторых, это исследование является первой работой во Франции, рассматривающей подобные проблемы, используя междисциплинарный подход. Мишель Шове (Michel Chauvet)¹⁷ в предисловии к изданию «Человека и культурных растений» 1987 г. пишет:

Книга Андре-Жоржа Одрикура и Луи Эдена «Человек и культурные растения», опубликованная в 1943 году, впервые во Франции представила основы этноботаники. А.-Ж. Одрикур был направлен к Вавилу в 1933¹⁸ году по настоятельному совету этнолога Марселя Мосса и агронома Огюста Шевалье. Более сорока лет спустя «Человек и культурные растения» по-прежнему представляет большой интерес. В научном контексте, характеризующемся усилением специализации, редко можно встретить междисциплинарный предмет, рассматриваемый с необходимой компетентностью, поскольку он касается истории как людей, так и растений (Haudricourt, 1987с, p. 7).

¹⁷ Шове Мишель (дата рождения неизвестна) — агроном и этноботаник, инженер-исследователь центра INRA в Монпелье.

¹⁸ На самом деле Андре-Жорж Одрикур был у Вавилова в 1934–1935 гг.

Действительно, книга Андре-Жоржа Одрикура и Луи Эдена и по сей день не теряет своей актуальности. Более того, Одрикур справедливо считается «отцом французской этноботаники». В заключении книги Андре-Жорж Одрикур пишет следующие строки:

Географы, историки, этнологи, археологи или просто любители и любопытствующие «честные люди» могут внести свой вклад в освещение, каждый по-своему, интересными наблюдениями или малоизвестными фактами, проблем, которые являются предметом этой работы. Но именно этноботаники, чье призвание мы надеемся пробудить, должны будут собрать воедино разрозненные работы этого труда с целью их критики и синтеза, и прежде всего провести исследования в полевых условиях, проявляя интерес к двуединому ботаническому и этнологическому аспектам полезных растений (Haudricourt, 1943, p. 202–203).

Таким образом, в 1943 г. во Франции были заложены основы этноботаники как научной дисциплины.

После публикации данной книги Андре-Жорж Одрикур не утратил интереса к этноботанике. Так, в Париже был организован VIII Международный ботанический конгресс в 1954 г., в котором Андре-Жорж Одрикур принимал участие как этноботаник с другим известным французским этноботаником Роланом Портером¹⁹. В ходе работы конгресса, по адресу 75006, 47 rue d'Assas, были организованы следующие этноботанические коллоквиумы:

1. Определение области этноботаники
2. Анимизм, проявившийся в отношении человека к растительному миру, особенно с ядовитыми растениями.
3. Техники сохранения, приготовления и размещения растительной пищи у первобытного человека.
4. Происхождение и миграция культурных растений, особенно наиболее важных с точки зрения продовольствия²⁰.

Далее, 3 августа 1960 г. проводилось заседание рабочей группы, секции XII по этноботанике в CNRS. В ходе заседания было рекомендовано значительно расширить и сделать более функциональным Общий центр этноботанических исследований и информации в Париже (Le centre général d'études et d'informations ethnobotaniques), а также на его базе создать лабораторию исследований и идентификации растений с созданием справочных коллекций. Преподавание этнобиологии, особенно этноботаники, должно вестись непрерывно в некоторых университетах или других учреждениях в странах с умеренным климатом и в тропической зоне для этнологов, ботаников, агрономов и других исследователей с целью подготовки компетентных кадров. Затем необходимо создать курс базового обучения в Париже при содействии Музея человека, Национального музея естественной истории и факультета естественных наук. Наконец, создать в Париже международный журнал по этноботанике, содержащий исследования, заметки, информацию и аналитическую

¹⁹ Портер Ролан (1906–1974) — французский этноботаник, профессор Музея естественной истории в Париже.

²⁰ Les archives de l'Institut Mémoires de l'édition contemporaine (IMEC), cote HDR 116. VIII Congrès international de botanique, 1954.

библиографию, чтобы компенсировать нынешнюю чрезвычайную разобщенность источников письменной и изобразительной документации²¹.

“Les pieds sur terre”²²

Несмотря на то что Андре-Жорж Одрикур издал в соавторстве с Луи Эденом книгу, которая значительно повлияла на развитие науки во Франции, ситуация, которая складывалась в ботанической сфере во Франции после завершения Второй мировой войны, выражавшаяся в отсутствии финансирования и заброшенности лабораторий и исследовательских центров, не позволила ему продолжить начатую работу. Он не стал ждать улучшения положения и решил посвятить себя теме, которой он интересовался еще со школьной скамьи: лингвистике, а именно фонологии. Через Марселя Коэна (Marcel Cohen)²³ он связался с фонологом Андре Мартинетом (André Martinet), заведующим кафедрой фонологии в Ecole pratique des hautes études (l'EPHE). Для того чтобы получить степень Licence (эквивалент бакалавриата в России) по лингвистике, он отправился в коммуну Созе (Sauzet), находящуюся на территории региона Лимань (Limagne), в семью Пьера Кутена (Pierre Coutin)²⁴, ученика Марка Блока, для изучения местного говора. К 1947 г. он подготовил диссертацию на тему фонологии галло-романских языков, которая была воспринята отрицательно. Тем не менее эта работа будет опубликована в 1949 г. под названием *Essai pour une histoire structurale du phonetisme francais* (Эссе о структурной истории французского фонетизма) (Haudricourt, 1949). Получив небольшую группу учеников в EPHE, ему, однако, не разрешили преподавать в главном здании, именно поэтому он вел свои уроки в общежитии Cité universitaire в павильоне Индокитая, где ему выделили место в подвальном помещении. Эта ситуация не продлилась долго, потому что уже 7 апреля 1948 г. Андре-Жорж Одрикур направился жить в Ханой (Haudricourt, 1987a, p. 77).

Андре-Жорж Одрикур был морально потрясен тем фактом, что французы намеривались возобновить колонизацию территорий Индокитая, поскольку он всегда с особым трепетом относился к различным народам мира. Он был членом Французской школы Дальнего Востока (Ecole Française d'Extrême-Orient, сокр. l'EFEO), которая была подразделением Национального центра научных исследований (Centre national de recherche scientifique, сокр. CNRS) в Ханое, где ему предложили должность. Сам Одрикур был очень заинтересован в поездке, особенно учитывая тот факт, что его увлекала лингвистика стран Дальнего Востока; более того, Н.И. Вавилов в 1934 г. предлагал ему подготовить работы по культурным растениям Индокитая, а Огюст Шевалье в 1940 г. советовал Одрикуру специализироваться на

²¹ IMEC, cote HDR 122. CNRS — groupe de travail, section XII, ethnobotanique, réunion du mercredi 3 aout 1960.

²² В русском переводе данное выражение может быть переведено как «будучи реалистом», однако по-французски буквально звучит как «ноги на земле», что придает выражению и ботанический контекст, и географический.

²³ Коэн Марсель (1884–1974) — французский лингвист в области семитских языков, языковед, историк языков и письменности.

²⁴ Кутен Пьер (дата рождения неизвестна — 1983) — французский географ и экономист.

растениях Азии и Океании (Haudricourt, 1987a). Андре-Жорж Одрикур, тем не менее, сумел заняться сразу несколькими проблемами во время своего пребывания в странах Дальнего Востока: в первую очередь, это была лингвистика (фонетика, фонология); затем он рассматривал историю сельского хозяйства и технику сельского хозяйства (например, использование плуга); этнографию и этнологию, поскольку Одрикур не смог не заметить существенной разницы между менталитетами стран Европы и Востока. Не прошло и года за границей, как здоровье ученого серьезно ухудшилось: старые болезни дали о себе знать. Несколько месяцев с марта по конец июня 1949 г. Одрикур находится в госпитале в Сайгоне, после чего он был отправлен на санитарном самолете в Марсель. В 1955 г. Одрикур возвращается на Дальний Восток, но на этот раз в Китай, после чего он неоднократно отправляется в большие путешествия по Дальнему Востоку: он посещал Сайгон, Лаос, Бирму (ныне Мьянма) и другие страны, в которых изучал местные языки (Haudricourt, 1987a).

Рис. 6. Андре-Жорж Одрикур в Ханое с Жоржем Кондоминасом, 1973 г.

Fig. 6. André-Georges Haudricourt with Georges Condominas in Hanoi. 1973

В октябре 1959 г. Андре-Жорж Одрикур отправляется в Новую Каледонию для лингвистических исследований, вооружившись магнитофоном, чтобы работать «на современный лад», однако его магнитофон быстро сломался из-за жары, и он оказался лишь с бумагой и карандашом. Перед Одрикуром встала интересная задача, которую он называет «архео-этнологической»: нужно было понять, как и почему на островах Меланезии люди существовали довольно изолированными друг от друга группами на протяжении двух тысяч лет (Haudricourt, 1987a, p. 129–130). Его за-

интересовала эта проблема в свете его последних исследований, однако ни география, ни физическая антропология, ни этнографические методы школы Kulturkreis²⁵ не давали ожидаемых результатов. Даже генетика не смогла прояснить ситуацию, учитывая тот факт, что островная изоляция народов приносит более быстрые изменения в геноме, чем среди континентальных популяций, тем самым различия и сходства между изолированными группами должны были предстать довольно явно. Тем не менее пролить свет на эту затруднительную ситуацию помогла лингвистика, а именно сравнительный подход в лингвистике. Было собрано достаточное количество материала по местным диалектам (каждый из которых отличался тысячами слов), показана история этих языков, а также их сходства и отличия (Haudricourt, 1987a, p. 131). Таким образом удалось понять, какие популяции взаимодействовали между собой. Так была выявлена австронезийская языковая семья, которая связывает между собой в языковом пространстве Тайвань, Индонезию, Филиппины, Малайзию, Бруней, Океанию, Мадагаскар, Восточный Тимор.

После решения этой задачи Андре-Жорж Одрикур увлекся изучением сельского хозяйства Новой Каледонии, которое являлось переложным, возделываемыми же культурами в основном были ямс и таро. Он описывает разницу между подходами в сельском хозяйстве:

Если мы сравним зерновое сельское хозяйство, например, Ближнего Востока, Египта и Месопотамии, стоящее у истоков европейского сельского хозяйства, с клубнеплодным сельским хозяйством, то сначала заметим внешние различия в сельскохозяйственном труде. «Августейший жест сеятеля» зерновых, который вручную отправляет семена в землю, или жест жнеца, который захватывает целую охапку, чтобы срезать ее, противопоставляются жестам фермера, выращивающего ямс. Последний осторожно кладет кусок ямса в заранее подготовленную яму, а во время сбора урожая аккуратно выкапывает его, убирая почву вокруг (Haudricourt, 1987a, p. 134).

В целом, пребывая на островах Новой Каледонии, Одрикуру свойственен такой этнографический подход к изучению сельского хозяйства и способов возделывания культурных растений. Он описывал клубнеплодные культуры как культуры «клонов», поскольку каждый сезон высаживаются части тех же клубней, что и были собраны, поэтому это является «сельским хозяйством, биологическая база которого является абсолютно стабильной» (Haudricourt, 1987a, p. 135). Далее Андре-Жорж Одрикур занялся восстановлением истории сельского хозяйства Новой Каледонии, а именно историей этих «клонов» и их миграцией по островам Меланезии. Одрикур также отмечает «ксенофилию» (любовь к чужому) меланезийского общества, выражающуюся и в растениеводстве: меланезийцы охотно высаживают в своих деревнях декоративные растения Америки, Азии, Африки. Жители Меланезии всегда готовы к обмену растениями, семенами, клубнями, поэтому наиболее развитые деревни обладают большим разнообразием культивируемых растений.

²⁵ Kulturkreis (нем. «культурный круг») — идея, состоящая в том, что изучение истории конкретных обществ доминирует над поиском общечеловеческой природы, поэтому любое культурное явление изучается в конкретном контексте и из конкретных предпосылок, так называемых культурных центров. Характерно для Венской школы этнологии.

Новая Каледония стала для А.-Ж. Одрикура значимым местом для его исследований. Далее он совершит ряд поездок в США, Мексику и другие страны, в основном для участия в конференциях и других научных мероприятиях. Тем не менее он возвращался в Новую Каледонию четыре раза, последний из которых был в 1976 г., в основном уже для изучения языков Новой Каледонии. Данные о его экспедициях и путешествиях находятся, прежде всего, в его книге мемуарного характера «*Les pieds sur terre*». Действительно, экспедиционная деятельность Одрикура была насыщенной, он посетил и изучил целый ряд регионов земли, пользуясь собственными исследовательскими методами. Большая часть статей Одрикура была опубликована в сборнике «*La technologie, science humaine: Recherches d'histoire et d'ethnologie des techniques*» («Технология, гуманитарная наука: исследования истории и этнологии техники»), опубликованном в 1987 г. Он включает в себя несколько глав, объединенных общей тематикой, содержащих статьи разных годов. В сборник входят работы, посвященные методам культурной технологии, упряжи, происхождению пшеницы, биогеографии сохи и плуга, технике и науке в Китае и на Дальнем Востоке, культуре ямса, экологии и сельскому хозяйству в Азии, аспектам сельского хозяйства примитивного общества, методам исследования техники, происхождению техники и многим другим темам. Самая ранняя работа датируется 1936 г. (статья о происхождении современных способах упряжи), последняя же датируется 1978 г. («Экология и сельское хозяйство в Азии»). В сборнике выражена главная особенность научного творчества Андре-Жоржа Одрикура, а именно глубоко междисциплинарный подход к исследованию феномена, а также широкий круг интересов ученого (Haudricourt, 1987b).

Научное завещание Андре-Жоржа Одрикура

В последней главе книги «*Les pieds sur terre*» Андре-Жорж Одрикур выводит законы исследовательской деятельности, по его словам, для себя, опираясь на предыдущий опыт и делая выводы о том, что он смог реализовать или же нет. Во многом эти размышления отображают способы и методы исследования Андре-Жоржа Одрикура. Первым его заключением служит фраза: «Все есть вопрос точки зрения». Этот пункт является рассуждением о различных способах рассмотрения научного вопроса. Одрикур сравнивает себя с Андре Леруа-Гураном, заключая, что, несмотря на общие интересы, их взгляды были различными: А. Леруа-Гуран был зоологом, А.-Ж. Одрикур же был ботаником, первый был практиком, второй же теоретиком, и так далее. Его главная мысль заключается в том, что будущие поколения исследователей смогут работать над теми же темами, что и Одрикур, однако они могут их расширить или же рассмотреть под принципиально другим углом. Второе же размышление озаглавлено как «Учиться правильно изучать предмет». В этом рассуждении А.-Ж. Одрикур описывает способы изучения предмета как орудия, о котором необходимо знать способы его изготовления, использования, применения, поэтому автор настаивает: чтобы понять предмет в его целостности, необходимо применять метод наблюдения. Из этого следует следующий вывод: «Наблюдать за орудием, значит наблюдать за жестами человека». В данном случае орудие и человек неотделимы друг от друга, так как орудие познается только в его применении человеком, что является основой его книги «Человек и плуг идут вокруг света». «Словарный за-

пас — первичный бессознательный свидетель» — это тот вывод, который соотносится с описанными выше лингвистическими исследованиями в Новой Каледонии. Лингвистические подходы порой могут быть полезным дополнением к изучению техники и других научных вопросов. Последующие размышления тоже относятся к области лингвистики и объединены схожей тематикой. Дальнейшие же выводы посвящены этноминералогии («Учиться слушать камни»), взаимодействию человека и пищи («Человек есть существо, приготавливающее пищу»), природе технических изобретений («Изобретение — это неудавшаяся имитация»), этноботанике («Как растения умеют считать?»), табу в научной деятельности («Ученый должен освобождаться от табу»). Как выражается Андре-Жорж Одрикур, это наброски для будущей исследовательской деятельности, которая, возможно, будет уже осуществлена не им, а последующим поколением ученых (Haudricourt, 1987a, p. 154–172).

Заключение

Научный путь Андре-Жоржа Одрикура был извилистым, однако даже столкнувшись с серьезными жизненными трудностями, такими как Вторая мировая война или же затяжная, изнуряющая болезнь, ученый никогда не оставлял занятий наукой. Находясь в госпиталях, он работал над книгами и изучением языков, оставляя обширные комментарии к изученному в своей многочисленной переписке. Когда литература для чтения заканчивалась, Одрикур читал Библию, которую называл «самой забавной книгой на Земле», из которой он вынес много выводов о сельском хозяйстве библейского периода. Исследователи научного творчества и жизни Андре-Жоржа Одрикура называют его порой «маргинальным ученым», исследователи же Жаклин М.К. Тома (Jacqueline M.C. Thomas) и Люк Букио (Luc Vouquiaux) называют Одрикура «un marginal philosophe antiphilosophe» (маргинальный философ-антифилософ). Даже не углубляясь в философские размышления над жизненным и творческим путями Андре-Жорж Одрикура, можно заметить, что его положение действительно было таковым, поскольку его подходы как к лингвистике, так и в ботанике долго не были признанными, в связи с чем он долго не мог получить научной должности в Европе. Однако его решение жить и путешествовать по Вьетнаму, Меланезии и другим регионам Земли было вызвано скорее его научными интересами, а также глубоким уважением к местным культурам и неприятием колониалистских настроений Четвертой республики. Андре-Жорж Одрикур поступил в университет в 18 лет (1929 г.), первая его публикация состоялась в 1936 г., писал же он статьи и книги вплоть до своей смерти в 1996 г. Таким образом, более 60 лет своей жизни Одрикур посвятил образованию и научной работе. Эпоха, в которую обучался и работал Андре-Жорж Одрикур, во Франции характеризовалась доминированием устаревших взглядов, как это было показано на примере генетики, нежеланием принимать новые подходы к исследованию, медленным реформированием системы образования. Авторитет профессоров был несомненен, даже если они были некомпетентны в тех вопросах, которые им порой приходилось освещать. В таких условиях Андре-Жоржу Одрикуру с его порой неординарными взглядами было сложно быстро реализоваться в научной карьере. Тем не менее вполне возможно, что это крайне неоднозначное для науки Франции время (Interbellum и Вторая мировая война, последующее образование Четвертой республики) и создало

личность А.-Ж. Одрикура как ученого, ведь именно в этот период появился целый ряд современных дисциплин и подходов к изучению сложных феноменов, как это было продемонстрировано на примере учителя Одрикура, Марселя Мосса. Таким образом, научное творчество и жизненный путь Одрикура были закономерным плодом эпохи.

Возможно, этим объясняется и малая известность трудов Одрикура в России. Действительно, в России Одрикур фигурирует в исследовательской литературе только как языковед, переводов же его монографий и статей на русский язык обнаружено не было. Как этноботаник, исследователь сельского хозяйства и историк техники Андре-Жорж Одрикур остается неизученным в России. Учитывая, что работы Одрикура до сих пор изучаются во Франции и во многих областях сохраняют свою актуальность и сегодня, отсутствие переводов представляется большим упущением. Более того, жизнь и работы Андре-Жоржа Одрикура непосредственно были связаны с русским языком и Советским Союзом: первая экспедиция Одрикура состоялась в СССР, первая книга «Человек и культурные растения» была написана под влиянием идей Николая Ивановича Вавилова, первая работа в Музее естественной истории была связана с резюмированием и переводом работ советских ученых, и так далее. Таким образом, изучение научного наследия Андре-Жоржа Одрикура хоть и обладает самоценностью, оно также интересно и в свете изучения франко-советских научных связей.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00564

Литература

- Вавилов Н.И.* Научное наследие в письмах: международная переписка. Т. 4: 1934–1935 гг. М.: Наука, 2001. 324 с.
- Brousse C.* Le patrimoine génétique de L'Homme et les Plantes cultivées: historiographie d'un ouvrage riche en ancêtres et fécond en héritiers // Le Portique [En ligne]. № 27. 2011, document 10, URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2550> (дата обращения: 26 сентября 2022)
- Bukasov S.M.* Les Bases de la Sélection de la Pomme de terre (à suivre) // Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale. 20e année. 1940. Bull. №222. P. 97–116.
- Bukasov S.M.* Les Bases de la Sélection de la Pomme de terre (suite et fin) // Revue de botanique appliquée et d'agriculture colonial. 20e année. 1940. Bull. №223. P. 179–189.
- Gouarné I.* Médiation franco-soviétique et reconnaissance académique: retour sur l'itinéraire politico-intellectuel d'André-Georges Haudricourt // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М: ИВИ РАН, 2010. С. 162.
- Haudricourt A.-G., Hédin L.* L'homme et les plantes cultivées. Paris: Gallimard, 1943. 254 p.
- Hadricourt A.-G., Juilland A., Martinet A.* Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. Paris: C. Klincksieck, 1949.
- Haudricourt A.-G.* Un ouvrage russe sur l'origine des Plantes Cultivées // Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliqué. 1955. Vol. 2. №7–9. P. 447–451.
- Haudricourt A.-G., Mariel J.-Brunhes Delamarre.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris: Gallimard, 1955. 506 p.
- Haudricourt A.-G.* Travaux récents sur les Plantes cultivées en U.R.S.S. // Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliqué. 1956. Vol. 3. №3–4. P. 210–211.
- Haudricourt A.-G.* Edition des œuvres posthumes de N.-I. Vavilov // Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliqué. 1957. Vol. 4. №5–6. P. 274–275.

Haudricourt A.-G., Dibia P. Les pieds sur terre. Éditions Métailié, 1987, Traversées, URL: <https://www-cairn-info.accesdistant.sorbonne-universite.fr/les-pieds-sur-terre--9782864240475.htm> (дата обращения: 26.09. 2022).

Haudricourt A.-G. La technologie, science humaine. Recherches d'histoire et d'ethnologie des techniques. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 1987. 343 p.

Haudricourt A.-G., Hédin L. L'homme et les plantes cultivées, Préface de Michel Chauvet. Paris: Ed. A.-M. Métailié, 1987. 181 p.

Haudricourt A.-G. Correspondance Haudricourt/Mauss (1934–1935) // Le Portique, 27 | 2011, document 11. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2557> (дата обращения: 26.09. 2022).

Jacqueline M.C. Thomas et Luc Bouquiaux. Haudricourt, un marginal philosophe antiphilosophe. // Le Portique [En ligne], 27 | 2011, document 1. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2530> (дата обращения: 26.09. 2022).

Following traces of André-Georges Haudricourt (1911–1996), of a French ethnobotanist, geographer, agronomical engineer and linguist

ELIZAVETA S. KHABLOVA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology at the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia; samomamo@yandex.ru

André-Georges Haudricourt (17 January 1911, Paris — 20 August 1996, Paris) was a French scientist whose vast scientific heritage encompasses several disciplines. His works are marked by a multidisciplinary approach that combines humanities, social and natural sciences. This approach, however, did not allow him settling on just one particular field and made it difficult for him to find his niche in French science with its conservative approaches and traditions. Therefore the recognition of Haudricourt and his scientific ideas took its time coming. Fascinated by botany and linguistics, he undertook a series of trips, journeys and expeditions. He also lived in Vietnam and the New Caledonian Islands. Tracking the journey of André-Georges Haudricourt means understanding the path of his formation as a scientist, examining the course of his expeditions as well as studying his research methods and determining his place and role in science. Therefore, this article aimed to examine Haudricourt's becoming a scientist involved in a range of scientific disciplines that are themselves multidisciplinary by nature. The article highlights his role in the development of science in France, particularly ethnobotany, history of agriculture & agricultural engineering, and linguistics. His life journey was also looked into, especially his expeditions, educational work and employment. It is hypothesised what had shaped Haudricourt's scientific identity. The period when André-Georges Haudricourt studied and worked in France was characterised by the prevalence of obsolete views (as illustrated by the case of genetics), reluctance to accept new approaches in research, and a slow reform of the educational system. The authority of professors was indisputable, even in the issues in which they were incompetent. In this situation it was difficult for Haudricourt with his sometimes unorthodox views to quickly establish himself in an academic career. Nevertheless, Haudricourt's

personality as a scientist could have been shaped by this very extremely ambiguous time for French science: the interbellum and World War II, followed by the establishment of the Fourth Republic. It was during that period that several modern disciplines emerged as well as new approaches for studying complicated phenomena. It is therefore concluded that Haudricourt's life and scientific work came as a natural fruit of his time. It is also emphasised that it is a regrettable omission that Haudricourt's works have not been translated into Russian, as both his life and work were closely connected to both the Russian language and the Soviet Union: Haudricourt's first expedition was to the USSR; his first book, *L'homme et les plantes cultivées*, was written under the influence of Nikolai Ivanovich Vavilov; and his first job at the Museum of Natural History was associated with abstracting and translating the works by Soviet scientists.

Keywords: André-Georges Haudricourt, ethnobotany, history of French science, French scientific expeditions to the USSR, researchers into the history of agriculture, linguistic methods in natural sciences, phonetism, phonology, *L'homme et les plantes cultivées*.

References

Vavilov N. I. (2001) Nauchnoe nasledie v pis'mah: mezhdunarodnaja perezpiska. [Scientific Heritage in Letters: International correspondence] V. 4: 1934–1935. Moscow: Nauka. 324 p. (in Russian)

Brousse C., (2011) Le patrimoine génétique de L'Homme et les Plantes cultivées : historiographie d'un ouvrage riche en ancêtres et fécond en héritiers, *Le Portique* [En ligne], 27 | 2011, document 10, put online on 04 August 2013, Retrieved 26 September 2022. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2550>

Bukasov S. M. (1940a). Les Bases de la Sélection de la Pomme de terre (à suivre). *Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale*, 20e année, bulletin n°222, pp. 97-116.

Bukasov S. M. (1940b) Les Bases de la Sélection de la Pomme de terre (suite et fin). *Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale*, 20e année, bulletin n°223, pp. 179-189.

Gouarné I., (2013) Franco-Soviet mediation and academic recognition: a look back at the political-intellectual itinerary of André-Georges Haudricourt, In: *Les Français Dans La Vie Intellectuelle Et Scientifique En Russie Au Xixe Siècle French people in the scientific and intellectual life of the USSR in the twentieth century*, Moscow : IVI RAN, p. 162

Haudricourt A.-G., Hédin L., (1943) *L'homme et les plantes cultivées*, Paris, Gallimard. 254 p.

Haudricourt A.-G., Juilland A., Martinet A., (1949) *Essai pour une histoire structurale du phonétisme français*, C. Klincksieck, Paris.

Haudricourt A.-G. (1955a) Un ouvrage russe sur l'origine des Plantes Cultivées. *Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliquée*, vol. 2, n°7-9, pp. 447-451.

Haudricourt A.-G., Mariel J.-Brunhes Delamarre, (1955b) *L'homme et la charrue à travers le monde*, Paris, Gallimard, 506 p.

Haudricourt A.-G. (1956) Travaux récents sur les Plantes cultivées en U.R.S.S. *Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliquée*, vol. 3, No. 3-4, pp. 210-211.

Haudricourt A.-G. (1957) Edition des œuvres posthumes de N.-I. Vavilov. *Journal d'agriculture tropicale et de botanique appliquée*, vol. 4, n°5-6, pp. 274-275.

Haudricourt A.-G., Dibie P., (1987a) *Les pieds sur terre*. Éditions Métailié, «Traversées», Retrieved 26 September 2022. URL: <https://www-cairn-info.accesdistant.sorbonne-universite.fr/les-pieds-sur-terre--9782864240475.htm>

Haudricourt, A.-G., (1987b) *La technologie, science humaine. Recherches d'histoire et d'ethnologie des techniques*, Paris, Maison des Sciences de l'Homme, 343 p.

Haudricourt A.-G., Hédin L., (1987c) *L'homme et les plantes cultivées*, Préface de Michel Chauvet. Paris, Ed. A.-M. Métailié, 181 p.

Haudricourt A.-G., (2011) Correspondance Haudricourt/Mauss (1934-1935), *Le Portique* [Online], 27 | 2011, document 11, Retrieved 26 September 2022. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2557>

Jacqueline M. C. Thomas and Luc Bouquiaux, (2011) Haudricourt, un marginal philosophe antiphilosophe, *Le Portique* [Online], 27 | 2011, document 1, Retrieved 26 September 2022. URL: <http://journals.openedition.org/leportique/2530>